

КАМИЛА ЛЕВИТАН

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

БАНКОВСКИЙ СЧЕТ О Р
ИНВЕСТИЦИИ О Р
АКТИВЫ О Р
КАРТЫ ЗАБЛОКИРОВАНЫ

Развод с предателем.

Я обнулю твои счета!

Камила Левитан

**Развод с предателем.
Я обнулю твои счета!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Я обнулю твои счета! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я обнаружила, что муж изменяет мне с собственной помощницей. Но любовница оказалась лишь верхушкой айсберга. Сорок пять миллионов, выведенных из компании. Подставные фирмы. Поддельные документы. И моя подпись на сделках, о которых я ничего не знала. Когда я потребовала объяснений, муж заблокировал мои счета, лишил работы и пригрозил отобрать детей. Он был уверен: без его денег и связей я ничто. Только он забыл одну маленькую деталь. Я пятнадцать лет проверяла его бухгалтерию. И теперь знаю, где искать правду. Он хотел оставить меня ни с чем. А я собираюсь забрать своё. Но что произойдёт, когда его любовница узнает, для чего он действительно её использовал?

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Камила Левитан

Развод с предателем. Я обнулю твои счета!

Глава 1

В пятницу я опять проверяла чужие сорок пять миллионов, а сама считала минуты до конца Тимуровой тренировки. Если выехать в шесть, он будет ждать у ворот с мячом под мышкой и голодный. В отчете «СтройИнвеста» за третий квартал оставалось три страницы. Я надеялась закончить их до того, как Артур вспомнит про очередной срочный акт.

На тридцать втором этаже «Империи» окна не открывались. Кондиционер сушил горло, и я держала рядом чашку чая, забывая из нее пить. Сквозь стеклянную стенку было видно, кто идет ко мне по коридору; Артур обычно успевал войти раньше, чем я отрывала взгляд от монитора. Сегодня хотелось, чтобы хотя бы эти три страницы меня никто не трогал.

Я сверила третью страницу баланса. Дебет с кредитом сходилась идеально. До той самой строки. Оплата консалтинговых услуг компании «Вертикаль Плюс». Сумма — ровно сорок пять миллионов рублей. Круглая? Слишком. Подозрительная? Нет, просто жирная. Я открыла реестр контрагентов. Директором ООО «Вертикаль Плюс» значилась Кристина Морозова — ассистентка моего мужа. Я сверила дату рождения с кадровым справочником. Полное совпадение. Вот только Артур ни разу не говорил, что его помощница заодно консультирует нас за сорок пять миллионов.

— Вера Сергеевна, ты еще здесь?

От голоса Артура я промахнулась по клавише. Он уже стоял в дверях. Можно было сказать «постучи», как я просила дома, но пришлось бы потратить полчаса на спор о том, почему собственник не должен спрашивать разрешения войти в кабинет своей жены.

Артур положил планшет поверх расчетов, закрыв нижние строки. Манжета скользнула по чашке, но он даже не придержал ее. Я отодвинула чай. Утром сама проверяла, не осталось ли на его пиджаке нитки, — и теперь почему-то смотрела именно на этот рукав, а не на экран, который мне предлагали подписать.

— Мне нужно подписать этот акт приемки работ сегодня до пяти. Тендер на закупку бетона срывается, если банк не увидит гарантию исполнения. Подпиши.

Он развернул планшет ко мне и постучал пальцем по месту подписи. Приложение к акту было закрыто. Дома он так же подкладывал бумаги под мою руку: «Ты же знаешь, сколько я добивался этого контракта». Я потянула планшет ближе, собираясь открыть приложение; Артур придержал его край.

— Артур, мне нужны документы на директора «Вертикаль Плюс». — Пришлось убрать руку с клавиатуры: от дрожи я могла нажать лишнее. — Сорок пять миллионов за консультацию по маркетингу. Кто ее проводил? У них нет сотрудников. Что я должна принять по этому акту?

Он усмехнулся и убрал палец с экрана. На вопрос про сотрудников он не ответил. Я стиснула зубы: эту усмешку он оставлял мне, а при заказчиках представлял «нашим самым дотошным аудитором».

— Ты саботируешь работу компании из-за своей паранойи? Вера, мы обсуждали это. Ты работаешь на меня. Если ты не можешь отличить реальный риск от своих навязчивых идей о «чистоте денег», возможно, стоит пересмотреть твою роль. Премия за квартал может стать... необязательной.

Я положила руки на колени. На квартальную премию мы рассчитывали с мамой; она уже спрашивала, когда я ее получу. Артур прекрасно это знал. Еще минуту назад мне нужно было

успеть за Тимуром, теперь — придумать, чем заменить эти деньги. Но подписать? А потом стоять перед проверяющим и говорить, что мужа нельзя расстраивать? Я подняла глаза на закрытое приложение к акту.

— Тогда открой договор в корпоративном мессенджере, — попросила я. — Переписку с подрядчиком тоже. Будем смотреть вместе.

Артур посмотрел на свой карман. Договор был у него под рукой, но телефон он достал не сразу. Я ждала, не предлагая вернуться к планшету. В конце концов он положил аппарат рядом с чашкой.

— Мессенджер открыт. Ищи. Только не трогай личные файлы, там конфиденциальная информация по тендерам.

На светящемся экране рабочего телефона первым был закреплен чат с Кристиной. Морозова, двадцать шесть лет, бывшая модель — из ее кадровой карточки я успела запомнить больше, чем из наших разговоров. Обычно она приносила кофе, и после ее ухода в кабинете долго пахло сладкими духами. Теперь нужно было искать у нее договор на сорок пять миллионов.

Теплый корпус скользнул в пальцах. Перехватив телефон за края, я открыла диалог и провела по экрану, ища скан договора. Артур стоял рядом; можно было сразу спросить, какое приложение он собирался положить к акту.

Вместо этого экран заполнила фотография.

Отель «Балчуг Kempinski». Вид на Кремль из окна люкса. На заднем плане размытая фигура женщины в шелковом халате, лежащей на кровати. На переднем плане — рука мужчины с часами Rolex, которые я подарила Артуру на годовщину свадьбы. Внизу подпись, сделанная Кристиной: «Спасибо за вечер, мой любимый. Жду тебя завтра. Целую в шею».

Я приблизила снимок. Часы были его. На ремешке у застежки виднелась царапина, которую я заметила еще летом. Хотелось найти хоть одну другую деталь: чужие часы, чужую руку, неправильную дату. Вдох получился коротким и бесполезным. Артур что-то говорил, а я смотрела на застежку и не могла вспомнить, как проглотить слюну.

Сорок пять миллионов оставались на другой вкладке. А здесь он лежал рядом с Кристиной. Я зря пыталась держаться за отчет: от него не становилось легче смотреть на фотографию.

— Что это такое? — мой голос сорвался на сухой шепот.

Он выхватил телефон, задев мою ладонь ребром корпуса. Я отдернула пальцы. Артур смотрел на меня так, будто поймал на воровстве. Даже сейчас, когда мне хотелось услышать одно-единственное объяснение, виноватой назначали меня.

— Ты залезла в мои личные сообщения?! — рявкнул он, отступая к двери. — Ты нарушила конфиденциальность! Я мог уволить тебя по статье за шпионаж!

— Артур, это фото. Из отеля. — Я смотрела на часы на его запястье. Тот же ремешок. — Что я неправильно поняла?

Он держал телефон обеими руками и удалял сообщения. Я узнавала движение: так же быстро он убирал неудачные кадры из семейной галереи. Только сейчас торопился сильнее и дважды нажал не туда. Мне было видно, как исчезает переписка, — и он видел, что я это вижу.

— Ты всё неправильно поняла, Вера. Это шутка. Коллеги подначили. Ты истеришь, потому что устала. Посмотри на себя, ты бледная, как мертвец. Вернись к работе. Забуди.

«Забуди». Вот и весь его ответ. Я вспомнила, как ночью перед прошлой проверкой сидела за этим столом, пока он спал дома. Искала документ на каждый платеж, чтобы у Артура не было неприятностей. Утром он принес мне кофе. Интересно, Кристине тоже рассказывал, какая у него надежная жена? От этой мысли стало хуже, чем от фотографии.

У чашки лежал блокнот с моими расчетами. Я потянула его к себе и нашла страницу с расхождениями по «Вертикаль Плюс». Даты, суммы, номера платежей — их я записывала

еще до фотографии. Вырвала лист, придерживая остальные страницы ладонью: рваный край получился косым, зато ни одну цифру не задела.

Он продолжал объяснять, что я устала. Я прижимала вырванный лист к блокноту, чтобы он не заметил, как дрожат пальцы. Пока могла говорить только одно: акт я не подписала. Остальное придется понимать позже, когда не будет его голоса рядом.

Пришлось опереться на край стола, чтобы встать. Я подхватила сумку и пошла к выходу, держась поближе к мебели: ноги были ватными, а просить Артура подать мне стул я не собиралась.

— Вера! Куда ты идешь? Мы не закончили разговор! — крикнул он вслед.

Глава 2

В коридоре пришлось прищуриться от ламп. За стеклянной стенкой еще слышался Артур; я шла к лифту и надеялась, что он останется в кабинете. Юбка цеплялась за колени. Хотелось дернуть подол, шагнуть шире и уйти быстрее, но я боялась споткнуться.

У лифта Кристина держала поднос с кофе. Белая полоска шеи над вырезом, гладкие светлые пряди. Я вспомнила ее на снимке в халате и сразу отвела глаза от выреза. Мне было противно, что теперь я замечаю на ней именно это, а она может спокойно спросить, сколько сахара мне положить.

Она улыбнулась, чуть приподняв поднос. Обе чашки стояли на блюдцах без пролитой капли. У меня же вырванный лист шуршал так громко, что я спрятала его между страницами блокнота.

— Вера Сергеевна, добрый день! — ее голос был мягким, бархатным. — Вы такая бледная. Все хорошо? Может, вам воды?

На нашей новогодней фотографии Кристина стояла рядом с Артуром. Я сама попросила их придвинуться, чтобы всех вместить в кадр. Сейчас она предлагала мне воды с той же улыбкой. В голове крутилась отвратительная подробность: снимок я отправила маме и подписала «наша команда». Надо будет убрать его из домашнего альбома. Но не при детях и не сегодня.

Я могла проверить договор и могла отказать в подписи. За это Артур платил мне зарплату, а теперь предлагал считать платой еще и мое молчание. Надо было выйти, пока я не сказала Кристине то, что он потом разнесет по всему офису.

— Все отлично, Кристина. — Последнее слово пришлось выговорить по слогам: во рту пересохло. Я нажала кнопку лифта, глядя ей в лицо. — Просто я решила, что пора выйти из игры.

Лифт прибыл с тихим звуком. Двери раскрылись. Я шагнула внутрь, не дожидаясь ответа. Кристина осталась снаружи, все еще улыбаясь, но в ее глазах мелькнуло легкое замешательство. Она приоткрыла рот, но двери уже сомкнулись. Хотя на эти полминуты я могла перестать следить за ее лицом.

В лифте я наконец позволила себе опереться на стенку. Никакой победы пока не было. Зато я не подписала акт.

На первом этаже холл был полон людей. Курьеры, охранники, сотрудники других компаний. Шум, гам, запах фастфуда и мокрой обуви. Я прошла сквозь толпу, чувствуя себя невидимкой. В кармане лежал мой личный телефон. Пока Артур удалял чат, я успела запустить с рабочего компьютера выгрузку документов по «Вертикаль Плюс» в свой аудиторский архив. Копия снимка уже была в нем: я отправила ее себе из открытого диалога, прежде чем спросить, что это.

Перед выходом я остановилась. По ту сторону стекла люди раскрывали зонты. Мой остался в машине, но возвращаться на парковку и рисковать встретить Артура я не хотела. Придется пройти до метро под дождем. Сейчас это казалось самой простой из моих задач.

Телефон в кармане завибрировал. Одно короткое касание бедра.

Достала телефон, прикрыв экран от капель. Уведомление заняло полэкрана:

«Загрузка файлов завершена: 100%. Синхронизация с облачным хранилищем выполнена.»

Договор, акты, платежные поручения и один снимок из отеля лежали в защищенной папке облачного архива. До скрытых счетов мне еще предстояло добраться.

Я открыла папку и проверила, читаются ли файлы. Да. Снимок тоже сохранился. Еще вчера я держала бы такие копии на случай проверки компании. Сегодня они могли понадо-

биться мне против мужа. До этой минуты слово «муж» почему-то еще не получилось заменить его именем.

В стекле отражались мои лицо и сумка, которую я прижимала к боку. Обычная женщина после работы. Никто в холле не остановился, никто не спросил, что случилось. Я поправила выбившуюся прядь, потому что больше пока ничего поправить не могла.

На остановке напротив уже прятались от дождя. Мне нужно было добраться домой и не начать плакать раньше, чем увижу детей. Как говорить с Артуром вечером, я не знала. Врать им, что все хорошо, тоже больше не хотелось.

Он еще будет ждать подписи. Возможно, принесет акт домой и положит между детскими тетрадами, как делал раньше. На этот раз я не возьму ручку только потому, что устала спорить.

Я развернулась и пошла к метро. До секции оставалось двадцать минут. Я набрала маму и попросила забрать Тимура: сегодня мне нельзя было опоздать к детям даже на минуту.

На следующий день я пришла к Артуру с распечаткой платежа и потребовала открыть документы по «Вертикаль Плюс». Он разблокировал телефон, но, увидев, что я снова открыла чат, сжал мое запястье и вырвал аппарат. На экране осталось фото Кристины с длинными ногтями цвета спелой вишни. Вчера я смотрела на его часы. Сегодня — на ее руку рядом с ними.

— Ты истеришь, Вера, — Артур говорил негромко, чтобы его не услышали за дверью. Он навис надо мной в его кабинете на тридцать восьмом этаже БЦ «Империя». За его спиной тянулись крыши Пресни; я смотрела на них, пока в запястье не отпустила боль. — Ты всегда была параноиком. Нервы ни к черту. А теперь ещё и вторжение в приватность директора компании? Это статья. Увольнение по компрометирующим основаниям. Твоя лицензия аудитора сгорит вместе с твоей карьерой.

Я уперлась пяткой в пол: колено подгибалось, и мне нельзя было сесть сейчас на его диван. Артур посмотрел бы на это как на согласие остаться и выслушать очередное объяснение. На двери за его плечом висела табличка «Генеральный директор». Хорошо. Пусть разговаривает со мной при охране как директор, раз дома говорить правду не умеет.

— Вызови охрану, — произнесла я тихо. Голос дрогнул лишь на последнем слог. — Мне есть что показать полиции. И прокурору.

Артур шагнул к двери и остановился поперек прохода. Я глядела на ручку за его локтем. В кабинете пахло Кристиными духами — теми, которые я уже узнала в коридоре. Нужно было выйти. Он мог еще час объяснять мне мою ненормальность, а я все это время дышала бы этим запахом.

— Ты думаешь, ты умнее всех, главный аудитор? — он понизил голос до шёпота. — Ты просто жена, которая потеряла контроль. Иди домой. Подумай о детях. О том, как тебе будет стыдно перед ними, когда они узнают, что мама воровала у папы данные.

Он отошел от двери. Я не стала ждать разрешения второй раз. Сумка оставалась на стуле с его стороны стола; пришлось потянуться за ней мимо него. Артур следил за моей рукой, как будто даже ремешок нужно было у него попросить.

Я взяла сумку. Пальцы не слушались, пришлось дважды подхватить ремешок. — До свидания, Артур. — До скорого, Вера. Мы ещё обсудим твою этику.

В лифте я прислонилась к зеркальной стенке. Сердце колотилось где-то в горле. Я закрыла глаза, пытаясь вспомнить каждое действие последних десяти минут. Открытие папки. Поиск договора. Случайное нажатие на иконку мессенджера. Фото. Текст. Его телефон.

Открыла на своем телефоне вчерашнюю выгрузку. Договор, платеж, снимок — все три файла на месте. Сегодня он успел вырвать аппарат, прежде чем я скопировала что-нибудь еще. Значит, проверять придется то, что уже было у меня, а не надеяться на чудесную синхронизацию.

Нажала на договор и дождалась, пока откроются все страницы. Только после этого получилось выдохнуть. Он мог закрыть мне кабинет и удалить чат, но вчерашняя копия уже была у меня. Плохо, что одного договора мало. Хорошо, что мне есть с чего начать.

Глава 3

Дома на Пресне не работал телевизор. От этого сразу стало непривычно: в шесть дети обычно спорили из-за мультиков. На кухне Тимур собирал конструктор, а пятилетняя Алиса водила мелком по холодильнику. Я собиралась снова попросить ее рисовать на бумаге и не смогла произнести даже эту обычную фразу.

Мама зашла в кухню, увидев моё лицо, замерла с половником в руке. — Верочка? Что случилось? Почему ты такая бледная?

Я хотела сказать «ничего», но язык не повиновался. Колени подогнулись, и я схватилась за край стола. Алиса подняла голову. Её большие серые глаза, такие же, как у Артура, посмотрели на меня с тревогой. — Мама, ты плачешь? — спросила она просто. — Папа почему не пришёл? — добавил Тимур, не отрывая взгляда от деталей Lego. — Он сказал, что будет раньше. Он обещал помочь мне собрать замок.

Тимур с утра разложил детали замка на столе, оставив отцу половину свободного места. Там сейчас стояла мамина кастрюля. Мне пришлось убрать ее, чтобы сесть. Он ждал Артура с самого утра, а я уже знала, чей номер муж охотнее откроет вечером.

Я опустилась на пол, обнимая их обоих. Так сильно, что дети пискнули от неожиданности. От Алисы пахло молоком; она прижалась ко мне и зацепилась пальцем за ворот блузки. Тимур пытался высвободить руку, а я держала обоих, пока он не попросил: «Мам, ну потише». Пришлось разжать объятия. — Папа просто устал. — Я пригладила Тимуру волосы, и он снова отвел мою руку. — Мы будем жить хорошо. Честно. Просто сейчас нужно время.

Тимур отстранился и посмотрел на мои руки. Он ведь видел, как я их прячу. — А почему ты дрожишь?

— Потому что холодно, — солгала я.

Когда дети ушли спать, я села в гостиной и набрала Максима. В Артуровом кресле пульт упирался мне в бедро; я вытащила его и бросила на столик. С бывшим однокурсником мы обычно созванивались по работе: он разбирал экономические преступления для адвокатов. Сейчас я заранее приготовила ответ на «как дела» — попросить сразу перейти к документам. Про фотографию пока рассказывать не могла.

Гудки шли долго. Семь. Восемь. Девять. — Алло. Вера? — его голос был хриплым, будто он только проснулся или курил всю ночь. — Макс, мне нужна консультация. Не юридическая. Фактическая. Пауза. Тяжёлое дыхание в трубке. — Ты звонишь в десять вечера после того, как тебя видели в состоянии шока в офисе мужа? — Как ты знаешь? — Артур позвонил. Жаловался на «истеричную жену» и нарушение коммерческой тайны. Просил проверить, нет ли утечки данных. Я отказал. Пока. Я отняла телефон от щеки и проверила имя на экране, словно могла ошибиться номером. Максим. Артур успел позвонить ему раньше меня. Теперь даже однокурснику приходилось объяснять, зачем я открывала документы, которые обязана проверять по работе. — Макс, послушай. Там не просто измена. Там схема. Консалтинговые услуги фирме Кристины. Крупные суммы. Закрытые контракты. Я ждала ответа, сжимая телефон. За дверью детской что-то стукнуло; я повернулась на звук, но никто не вышел. — Скинь материалы на защищенный канал. Не используй рабочие почты. Не используй телефоны Артура. Даже если кажется, что он ничего не заметил. — Уже отправила. Через облако. — Вера, послушай меня. — Максим больше не делал пауз, в которые я могла бы вставить что-нибудь про фотографию. — Измену я проверить не могу. А платежи проверить нужно. Похоже на вывод денег через фиктивные услуги. Сохрани оригиналы и не оставайся с ним наедине, если он снова начнет хватать тебя за руки.

После звонка я несколько раз провела большим пальцем по краю телефона. Максим не обещал, что все решит. Попросил сохранить файлы и не оставаться с Артуром одной. Теперь

придется объяснить маме, почему мне нужна ее помощь вечером. И еще посчитать, на сколько дней хватит моей карты.

Мне нужна была подушка безопасности. Суд может затянуться на годы. Детям нужна еда, одежда, кружки. А у меня на карте лежало три тысячи рублей. Всё остальное — на общих счетах, доступ к которым контролировал Артур.

Я открыла банковское приложение. Баланс общего счёта: 450 тысяч. Нажала «Перевод на свой счет». «Операция отклонена. Требуется подтверждение владельца основного счета». Мама осталась с детьми, а я вышла к банкомату у дома. На запрос наличных он ответил: «Карта заблокирована. Причина: подозрительная активность».

Ах ты ж, сволочь. Карта, которой я вчера платила за молоко, уже не работала. Как именно он убедил банк, я выясню потом. Сейчас требовалось купить продукты и не объяснять детям, что у папы деньги есть, а у мамы больше нет доступа к ним.

У мамы оставался счет, открытый семь лет назад для нашей несостоявшейся дачи. Артур про него спрашивал только однажды: закрыли ли. Мы не закрыли. Он тогда отмахнулся от моих слов — пустой счет его не интересовал. Вот туда я и отправляла остатки зарплаты.

Я вспомнила старый бумажник, оставленный дома. Внутри, между чеками из супермаркета, лежала резервная карта. На неё я переводила остатки зарплаты последние два года, пряча деньги от глаз Артура, который считал, что все доходы семьи идут на его «инвестиции».

Я вернулась домой за резервной картой. Мама дала мне ее вместе с телефоном, чтобы подтвердить снятие. В банкомате круглосуточного магазина напротив высветился баланс: 187 тысяч рублей. В том числе 65 тысяч, которые я отложила из последней зарплаты.

Банкомат выдал купюры. Я пересчитала их дважды и распределила по разным отделениям сумки. Сто восемьдесят семь тысяч. Не квартира, не спасение навсегда — аренда, продукты, время на адвоката. На обратном пути я купила хлеб за наличные. Продавщица дала сдачу; только тогда окончательно поверила, что эти деньги у меня не отберут нажатием кнопки.

Дома было темно. Артур вернулся около полуночи. Он даже не стал включать свет в спальне, упав на кровать в одежде. Хрипел во сне, пах алкоголем и чужими духами.

Я смотрела на спящего Артура из дверей. Он лежал в одежде, вытянувшись поперек своей половины кровати. Раньше я сняла бы с него ботинки, чтобы утром не было грязи на покрывале. Сегодня просто переступила через один, валявшийся у порога. Пусть утром снимает сам.

Мой взгляд упал на его телефон, лежащий на тумбочке. Экран потускнел, но в верхней строке еще светились часы. Он забыл закрыть банковское приложение; на экране оставалась история операций. Я замерла в дверях. Можно было забрать эту запись сейчас — или уйти, а утром снова выслушивать, что никаких переводов не было.

По ковру удалось подойти почти беззвучно. Артур хрипло втянул воздух, и я остановилась, дожидаясь следующего выдоха. Потом сняла телефон с тумбочки. Экран еще не заблокировался; я коснулась истории переводов и прикрыла свет ладонью.

Открыла банк. Переводы. Последний исходящий Кристине сегодня вечером. Сумма: 500 000 рублей. Комментарий: «За тишину».

Не «Люблю». Не «Спасибо за вечер». «За тишину».

За какую тишину он платил ей полмиллиона? У меня был только комментарий к переводу. Нужно будет сопоставить его с расходами «Вертикаль Плюс». Отдельно от фотографии. На фото были его часы рядом с другой женщиной, а в банке он платил ей деньги; притворяться, что одно отменяет другое, я не собиралась.

Боль ревности никуда не делась. К ней добавилась злость: пока я покупала Алисе зимние сапоги по скидке, он переводил Кристине полмиллиона. Ему хватило одного перевода, чтобы отдать ей больше, чем лежало на нашем общем счете. Мне же сегодня заблокировали карту.

Я смотрела на сумму, пока цифры не начали расплываться, и удерживала себя от желания толкнуть его в плечо: проснись, объясни, как ты посмел.

Я сделала скриншот перевода. Сохранила в защищенную папку. Положила телефон обратно, точно под тем же углом, что и до этого.

Экран погас. Я прикусила губу, пока боль не заставила разжать зубы. Телефон уже лежал на месте. Теперь нужно было тихо выйти из спальни — без победной речи и без желания разбудить его и ткнуть в сохраненный перевод.

На кухне я отправила копию Максиму и убрала телефон. К утру Артур придумает еще одну причину, почему я ничего не понимаю. Платеж от этого не исчезнет. Я записала сумму в блокнот рядом с сорока пятью миллионами.

Глава 4

Через день я снова оказалась в кабинете Артура: он вызвал меня подписывать тот самый акт. Я положила перед ним распечатку фотографии из чата. Отельный номер, бокалы вина и подпись «Спасибо за вечер, мой любимый». Артур захлопнул дверь, не сняв пальто.

— Убери, — сказал Артур, понизив голос.

Я прижала край распечатки к столу. Он даже не спросил, откуда она у меня: узнал с порога.

Подняла на него глаза. Воротник давил на горло; хотелось оттянуть его, но тогда пришлось бы отпустить снимок. Пусть сначала ответит.

— Это копия из твоего чата, Артур, — сказала я, чувствуя, как внутри меня поднимается холодная волна ярости. — И там же ты прислал мне рабочий договор с фирмой Кристины. Не прикрывайся коммерческой тайной, когда я спрашиваю, за что ушли деньги.

Он посмотрел на фотографию и усмехнулся. Лист остался лежать между нами: ни объяснять, ни прятать его Артур больше не собирался.

— Вера, ты опять за свое? Паранойя? — он шагнул ближе, нависая над столом. Его тень накрыла мои документы. — Ты вторгаешься в приватность своего мужа и начальника одновременно. Знаешь, как это называется в нашем узком кругу московских финансистов? Непрофессионализм. Идиотизм.

— Я главный аудитор компании, — произнесла я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Согласно пункту 4.2 нашего трудового договора, я имею право доступа к любым финансовым потокам для проверки их легитимности. Если эти потоки идут через твои личные чаты, значит, компания платит налоги за твои развлечения.

Артур перебил меня, махнув рукой, словно отгонял муху.

— Детский лепет. Попытка оправдать истерику. Ты всегда была такой. Мелочной. Зацикленной на цифрах до потери человеческой сути. Ты думаешь, кто-то поверит тебе, если ты придешь к совету директоров с этим... — он указал пальцем на распечатку, — ...с этой жалкой картинкой? Для них ты будешь просто женой, которая сошла с ума от ревности и пытается шантажировать успешного мужчину.

Он говорил о моей работе теми же словами, которыми раньше хвастался перед инвесторами: дотошная, все перепроверяет. Теперь это вдруг стало «мелочностью». Я посмотрела на папки за его спиной. Половину этих договоров до сих пор держали на ходу мои замечания к ним.

— Я включаю запись, — тихо сказала я.

Смартфон лежал рядом с папками. Нажав кнопку записи, я развернула его экраном к Артуру: красную точку теперь было видно нам обоим.

Артур задержал взгляд на красной точке, затем посмотрел мне в лицо. Аппарат остался между нами. Он мог выбрать слова; я уже нажала запись и ждать другого разговора с ним больше не хотела.

— Записывай, Вера. Может быть, когда-нибудь ты услышишь свой собственный голос и поймешь, насколько ты жалка.

Он наклонился так близко, что мне пришлось упереться локтем в стол, иначе наши лбы соприкоснулись бы. Я узнала его одеколон, но от привычного запаха стало мутить. Теперь он говорил совсем тихо, как дома, когда не хотел будить детей.

— Если ты пойдешь к юристам, — прошептал он, и каждое слово было как гвоздь, забитый прямо в висок. — Если ты начнешь копать эту дерьмовую тему дальше... Я сделаю так, что наши дети будут жить у бабушки в деревне. Подальше от Москвы. Подальше от школ. Подальше от тебя.

Тишина в кабинете стала звенящей. Кондиционер гудел где-то на грани слышимости.

Я представила Тимура у школьных ворот. Он будет ждать меня, а придет кто-то другой и скажет, что мама больше за ним не придет. Я вцепилась в край стола. Нельзя было сейчас тянуться к телефону и выключать запись, даже если Артур заметит, как я испугалась.

Пришлось следить за дыханием. До двери за его спиной я пока не добралась бы; хотя бы не пятиться перед ним.

Медленно, демонстративно спокойно, я перевернула распечатку снимком вниз и оставила на его столе. Затем аккуратно, не торопясь, убрала свой смартфон в карман пиджака.

— Принято, — сказала я. Голос звучал чужим, ровным и мертвым.

Именно в этот момент дверь кабинета скрипнула.

Мы оба замерли.

На пороге стояла Кристина. Она несла поднос с двумя чашками эспresso. Она улыбалась, придерживая поднос обеими руками; на лице не дрогнул даже уголок губ.

— Ой, простите! — воскликнула она, делая вид, что удивлена. — Я стучала, но вы так увлечены беседой...

Артур выпрямился, освобождая мне место у стола. При Кристине он уже смотрел на меня с терпеливой улыбкой. Я чуть не сказала ей: «Ты вошла на десять секунд позже». Но она бы снова улыбнулась и поставила чашки.

— Все в порядке, Крис, — сказал он тепло. — Просто Вера немного переволновалась из-за квартального отчета. Она нервничает. Ты же знаешь, как ей тяжело даются изменения в графике.

Кристина поставила кофе на стол, глядя на меня. В её взгляде не было жалости. Она поставила мою чашку подальше, как будто опасалась, что я ее опрокину.

— Бывает, — произнесла она сладким голосом. — Главное, не перерабатывать, Вера. Здоровье дороже цифр. Артур Игоревич уже заказал ужин в ресторане. Он хочет, чтобы вы поехали вместе, расслабились.

Она распоряжалась нашим вечером так буднично, словно я тоже состояла у нее в подчинении.

Он только что обещал отнять детей, а теперь объяснял Кристине, что я нервничаю из-за отчета. Я слышала обе версии подряд. Она — только вторую, и, если ее потом спросят, наверняка начнет именно с нее.

Мне хотелось сказать про фотографию прямо при ней. Тогда они оба заговорили бы о ревности, а запись с угрозой детям пришлось бы объяснять уже как мою «истеричку». Я придерживала языком край зуба и промолчала.

Руки дрожали, но я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла вернуть контроль.

Пока я складывала бумаги в портфель, Артур пил кофе, а Кристина поправляла чашки. Листы цеплялись за подкладку; пришлось придерживать их за углы. Я злилась на собственные пальцы: хоть бы застегнуть замок без этой жалкой возни у них на глазах. Прижала крышку обеими ладонями. Замок попал в паз с первого раза, и я наконец смогла убрать руки со стола.

Я развернулась и вышла. Шаги отдавались эхом в пустом коридоре.

У лифта меня перехватила Елена Марковна, директор по персоналу. Женщина лет пятидесяти, всегда пахнущая свежей выпечкой и канцелярией. Её лицо было обеспокоенным, но в глазах читалось заученное выражение сочувствия.

— Вера Сергеевна, — начала она мягко. — Артур Игоревич просил передать... Он очень переживает за ваше состояние. Вы сегодня выглядели... расстроенной.

— Я в норме, — ответила я сухо.

— Возможно, вам стоит взять паузу, — продолжила она, понижая голос до интимного шепота заговорщика. — Неоплачиваемый отпуск. До выяснения обстоятельств. Понимаете,

слухи в коллективе распространяются быстро. Коллеги уже начали обсуждать вашу... эмоциональную нестабильность. Чтобы сохранить репутацию главного аудитора, лучше временно отстраниться.

Я перебрала в уме платежи до конца месяца. Без зарплаты придется опять доставать резервную карту. Елена ждала ответа, отводя глаза; столько лет мы работали вместе, а спросить, согласна ли я остаться без денег, она не могла. У Артура согласие уже было. От меня требовалось только назвать отпуск моей просьбой.

— Хорошо, — сказала я. — Оформляйте приказ официально. Мне нужна копия на руки. С печатью и подписью генерального директора.

Мы прошли к ее столу. Елена открыла бланк приказа, но после слов «копия на руки» перестала печатать. Я осталась рядом: устного обещания после сегодняшней записи мне было мало.

— Зачем копия?

— Потому что бумага важнее слов, Елена Марковна. И потому что я хочу точно знать дату окончания моего отпуска. До выяснения каких именно обстоятельств?

Она начала набирать приказ. Я проследила, чтобы в нем появилась дата, и попросила показать текст до печати. Пока она возилась с формулировками, я впервые за день могла просто сидеть. Не нужно было ни убеждать Артура, ни делать вид, что Кристина здесь случайно.

Глава 5

Дом встретил тишиной. Дети уже спали. Мама прикрыла дверь их комнаты и ушла к себе. Артур задерживался в офисе.

За кухонным столом я включила настольную лампу и положила телефон рядом с локтем. Все равно говорить хотелось шепотом. Набрала Максима, глядя на полоску света под дверью детской.

Он взял трубку сразу.

— Ты дома? — спросил он. Без приветствий. Без «как дела».

— Да.

— Рассказывай по порядку. Если нужно, сделаем паузу. Мне важно записать его точные слова.

Я закрыла глаза, сдерживая рвущийся из груди крик.

— Артур угрожал мне. Физически нависал надо мной. Шептал, что заберет детей, если я пойду к юристам. Потом пришла Кристина. Инсценировка. HR предлагает отпуск за нарушение этики.

Максим молчал. Я сжала край столешницы свободной рукой: сейчас скажет, что Артур уже звонил ему, как в прошлый раз.

— Вера, — Максим заговорил отрывисто, заставляя меня вслушиваться. — Ты уверена, что он угрожал детям? Или ты интерпретировала его фразу «они будут жить у бабушки» как угрозу?

Меня аж перекосило.

— Ты издеваешься? Он смотрел мне в глаза и говорил это так, будто ломает мне судьбу!

— Он говорил тихо?

— Да.

— Он кричал?

— Нет.

— Громкость ничего не меняет. Важно, что он обещал забрать детей, если ты пойдешь к юристам. Сохрани запись целиком, чтобы его адвокат не выдернул фразу про бабушку из разговора.

Телефон нагрелся у щеки. Я отвела его, уже собираясь нажать отбой. Значит, и Максиму нужно объяснять, что детей можно отнять тихим голосом? Он ждал, не торопил меня с ответом. Я вернула аппарат к уху. Запись лежала здесь же; пусть слушает Артура, если моих слов ему мало.

Но Максим продолжил, не повышая тона:

— Переслушай запись полностью. От первого слова до последнего. Отметь время, когда он заговорил о детях. Эту часть мы передадим адвокату вместе с документами. Тебе не нужно доказывать мне, что ты испугалась. Нужно сохранить то, чем он тебя пугал.

Я повесила трубку. Руки дрожали.

Включила запись. На первом прослушивании пришлось остановиться, когда Артур произнес слово «дети». На втором я уже могла отметить время. На третьем проверяла, слышно ли условие про юристов перед обещанием отправить их к бабушке.

Голос Артура был тихим. Почтительным, даже. «Я сделаю так, что они будут жить у бабушки». Перед этой фразой ясно слышалось: «Если ты пойдешь к юристам». Я записала время. Пусть Артур теперь объясняет адвокату, какое отношение бабушка имеет к моему обращению за помощью.

Я открыла ноутбук. Вошла в домашнюю сеть Wi-Fi. Я помнила пароль, который Артур никогда не менял — дата нашей свадьбы.

Запустила анализатор трафика. Пару месяцев назад на курсах по кибербезопасности для аудиторов Максим показывал мне, где искать список подключений. Я тогда проверяла учебную сеть. Теперь, вспоминая его подсказки, открывала свою.

На экране появились адреса устройств. Я увеличила окно и сравнила список с тем, который помнила после настройки домашней сети. Артур пользовался двумя аппаратами и ноутбуком; лишняя строка оказалась ниже.

Телефон Артура. Планшет Артура. Ноутбук Артура.

И еще один девайс в списке недавних подключений.

`Device Name: KRISTINA\_LAPTOP` `IP: 192.168.1.105`

Название чужого ноутбука было написано по-английски, но имя я узнала сразу. Кристина. Домашний пароль мы никому не давали — по крайней мере, я. Оставалось спросить, как долго Артур считал, что «никому» на нее не распространяется.

Я начала копать глубже. Смотрела на логи входа в систему управления домом. Умные замки. Камеры. Термостаты.

`User: Admin\_Arthur` `Action: Unlock Front Door` `Time: Today, 13:55`

`User: KRISTINA\_ADMIN` `Action: Modify Access Rights` `Time: Today, 14:02`

Четырнадцать ноль-два. Именно в тот момент, когда Артур «успокаивал» меня в кабинете. Когда Кристина принесла кофе.

У нее был доступ к нашему дому. Я перечитала журнал, прежде чем позволила себе это повторить.

Выделила строку с изменением прав и сверила время с записью разговора. Кристина распоряжалась доступом к дому, пока я выслушивала угрозы в кабинете. Могла отправить команду удаленно; устройство еще предстояло установить. Но отдельную учетную запись ей уже дали. Я перечитала ее имя и вспомнила, как спокойно она держала поднос, входя к нам. После этого придется проверять, чьим ключам подчиняется наша дверь.

Я думала, что она забралась только в нашу постель. Оказалось, ей дали еще и ключи от дома — электронные, с правом менять замки.

Закрыла ноутбук. В темной кухне еще светился индикатор роутера. Я раньше не обращала на него внимания, а теперь наклонилась посмотреть, какая именно лампочка мигает.

Пароль от домашней сети я знала. Чьи учетные записи в ней появились — уже нет. До утра нужно было сохранить журнал, пока и его не назвали моим вымыслом.

Борщ остывал, и на поверхности появлялись рыжие кружки жира. Я попробовала ложку: соли хватало. Досолить сейчас означало бы еще раз согласиться, что дело в моей готовке. Из комнаты доносился стук Тимуровых кубиков, а я держала лопатку и слушала, не встанет ли Артур из-за стола.

Он десять минут смотрел в тарелку. Ложку не взял, зато подвинул стул так, что мне оставался узкий проход к плите. Я уже знала, что сейчас скажет: еда не та, лицо не то, жена опять не тем занята. И ждала, какая именно моя ошибка сегодня объяснит его измену.

— Еда пресная, Вера, — произнес он наконец. Голос был ровным, без интонаций, как у диктора погоды. — Как и наш брак последние годы. Ты даже готовить не можешь нормально, когда внутри тебя пустота.

Забрала тарелку. Хотелось швырнуть ее в него, но за стеной сидели дети. Я опрокинула борщ в раковину и выпустила тарелку из пальцев; фарфор ударился о край и раскололся. Артур усмехнулся. Весь день требовал от меня реакции и теперь наконец получил звук, который можно было назвать «нервным срывом».

Из гостиной донеслись детские голоса. Я вытерла руки о полотенце и вышла туда. За спиной заскрипел стул: Артур тоже встал.

Тимур, восемь лет, сидел на полу, обхватив колени руками. Алиса, пять лет, тянулась к шкафику с игрушками. Оба плакали. Тихо, жалобно.

— Мама, мы голодные, — всхлипнул Тимур. — Папа сказал, что сладкое нельзя. И машинки тоже нельзя.

У холодильника я увидела кодовый замок, купленный им неделю назад «от детей». За дверцей лежали продукты, за которые мы оба платили, а открыть ее без Артура я уже не могла. Он еще и шкафчик с игрушками закрыл. К борщу, которого не хотел сам, детей тоже не позвал.

— Почему? — спросила я, хотя знала ответ.

— Потому что мама нервничает, — ответил Тимур, глядя на меня глазами, полными обвинений. — Папа стал злым из-за тебя. Из-за того, что ты орала в конторе. Мне стыдно за тебя, мама.

Пришлось присесть: Тимур уже смотрел на меня снизу вверх, как на виноватую. Он повторял папины слова и сам не понимал, почему мама должна оправдываться за замок на холодильнике. Я обняла его. Сын сначала держался прямо, потом прижался щекой к моему плечу.

— Мы найдем ключ, малыш, — прошептала я. — Сейчас я вас накормлю.

Он отстранился, глядя на замок. Я достала хлеб и сыр из пакета на столешнице и сделала им бутерброды.

Артур ушел в душ. Я достала телефон: пора было звонить в кружок танцев Алисы и оплачивать следующий месяц. Открыла семейную карту и ввела сумму. Палец завис над кнопкой «Подтвердить платеж». Экран вспыхнул красным: «Отказ транзакции. Превышен лимит».

Я перезвонила в банк. Оператор подтвердил: карта заблокирована по инициативе владельца счета. Артур. «Ты не способна управлять бюджетом в состоянии истерики, Вера», — прислал он сообщение через минуту. «Все расходы теперь через меня. Это ради твоего блага. Ради безопасности семьи».

Резерв я сохраняла для квартиры и адвоката. Если платить из него еще и за каждый месяц танцев, он кончится раньше, чем я найду работу. Артур мог назвать оплату кружка своим подарком дочери — и потребовать за него послушания у меня. Придется считать расходы так, чтобы даже такой подарок не стал поводом.

Глава 6

Зазвонил домашний телефон в прихожей. Я оставила мобильный на кухне и взяла трубку старого аппарата.

— Аллю?

Крестину я узнала раньше, чем она назвала себя. На рабочие звонки она обычно отвечала короче. Для меня приготовила ласковый голос, которым можно сообщить гадость и после спросить, почему я расстроилась.

— Добрый вечер. Артур просил передать, что ужин будет позже. Он немного задержится. Надеюсь, вы не расстроены.

Артур шумел водой в ванной, а она уверяла, что он задерживается. Мне захотелось пригласить ее послушать этот душ. Она звонила на наш домашний номер, знала, что трубку возьму я, и могла позволить себе такую маленькую ложь просто для удовольствия.

Щелчок воды в ванной прекратился. Шаги. Влажные, тяжелые. Артур вышел в коридор, обернутый полотенцем, с влажными волосами, прилипшими ко лбу. Он забрал трубку из моих рук, даже не взглянув на экран.

— Спасибо, дорогая, — сказал он в микрофон, улыбаясь мне. Эта улыбка была страшнее любой агрессии. — Да, все в порядке. Моя жена просто всё усложняет. Передай привет.

Он стер вызов. Я стояла рядом и видела, какие кнопки нажимает. Для чего? Я уже слышала ее голос. Наверное, чтобы потом можно было опять спросить, откуда у меня эти подозрения.

— Клиентка, Вера, — бросил он, проходя мимо меня в спальню. — Ты всегда видишь драму там, где есть работа. Закрой дверь кухни. Иди спать.

Из кухни я унесла полотенце и сложила его на подлокотнике дивана. Дети еще не спали. Уйти в спальню и оставить им объяснения Артура я не могла.

Артур запретил мне выходить из дома до утра. «У тебя неустойчивое психическое состояние, — заявил он, запираясь в спальне. — Я вызову полицию, если ты начнешь шастать по ночам. Опасность для детей».

Мы с детьми устроились на диване. Тимур заснул первым. Из спальни за стеной не доносилось ни звука, и я проверила ключи в кармане. Придется встать — уже будут при мне. Выходить сейчас я не собиралась, но искать их на глазах у Артура после его запрета не хотела.

В углу, на полке, горел красный глазок умной колонки. Микрофон был включен. Я не знала, записывала ли колонка нас сейчас. После найденных прав Кристины не хотела это проверять разговорами: выдернула шнур из розетки. Прежде я выбирала эту колонку, чтобы дети слушали сказки. Сейчас даже ее темный экран меня пугал.

Алиса заворочалась во сне. Открыла глаза.

— Мама? — прошептала она.

Я подошла ближе, погладила ее по голове. Волосы были мягкими, пахли шампунем.

— Почему папа больше не обнимает нас? — спросила девочка.

Она приподнялась на локте и ждала ответа. Я продолжала гладить ее волосы, хотя нужно было уже что-нибудь сказать. Последнюю Артурову угрозу услышала я. Объятий лишилась она.

— Папа устал, солнышко, — соврала я. Голос сорвался. — Он просто очень устал на работе.

Алиса нахмурилась. Я сама не верила своему ответу: если папа устал, почему она должна уговаривать его обнять ее? Поправила край одеяла и не стала добавлять еще одну отговорку.

Дверь спальни открылась. Артур вышел. Он выглядел спокойным, свежим, побритым. Сел на край дивана рядом с дочерью. Погладил ей волосы так же, как я секунду назад.

— Папа не обнимает, потому что мама плохо себя ведет, — сказал он ледяным тоном, глядя прямо на меня. Он следил за мной, а не за дочерью. — Если мама исправится, станет послушной, папа снова станет добрым. Хорошо, Алисочка?

Алиса поспешно кивнула. Я открыла рот и не произнесла ни слова: поправлю его сейчас — он опять уйдет, оставив дочери мое «плохое поведение» вместо поцелуя на ночь. Она подтянула одеяло к подбородку, следя за ним. Ей хватило бы одной минуты у него под рукой. Он уже убрал ладонь с ее головы.

Артур вернулся в спальню и хлопнул дверью. Тимур даже не пошевелился. Алиса прижала подушку к груди; я села рядом, и она потеснилась, давая мне место. Еще долго приходилось гладить ее плечо сквозь одеяло, прежде чем дочь закрыла глаза.

На диване было тесно, но уходить от детей не хотелось. Я считала вздохи Тимура, потом перестала: от этого только сильнее слышалось, как я сама не могу уснуть. В три часа поднялась и пошла на кухню. Нужно было хоть несколько минут постоять, не держась ни за кого.

Артур сидел при свете духовки с большим бокалом. Вода отдавала валерьянкой — запах я уловила у двери. Он медленно пил, словно ему было совершенно удобно ждать меня в три часа ночи. Я остановилась у стола. Встать мне навстречу он не собирался.

— Не спится? — спросил он.

Я молчала, чувствуя, как холодеют ноги на кафельном полу.

Он достал из кармана пижамы сложенный лист бумаги. Расправил его на столе. Пододвинул ко мне.

— Посмотри.

Я посмотрела. Это была распечатка банковского перевода. Дата — вчера. Сумма — 5 000 000 рублей. Получатель — ООО «Консалтинг Групп». Назначение платежа — «Медицинские услуги для супруги Веры Сергеевны Волковой (диагноз: посттравматическое расстройство, курс реабилитации)».

Под моим полным именем стоял диагноз. Перечитала назначение еще раз, задержавшись на словах «курс реабилитации». Когда? Где? Я могла назвать каждую пропущенную за квартал рабочую смену. Дней на такой курс там не было.

— Что это? — прошептала я.

— Твои медицинские расходы, Вера, — улыбнулся Артур. — Ты же болела, правда? Тебе нужна помощь. Компания оплатила твой курс лечения. Через фирму Кристины. Удобный контрагент.

Я схватила бумагу. Руки дрожали сильнее, чем тогда, с тарелкой.

— Это ложь! Я не получала никаких услуг!

— А вот тут стоит твоя подпись, — Артур указал пальцем на низ документа. Там стояла отметка о моей электронной подписи. Я подписывала квартальный пакет отчетов, но этого акта в нем не видела. Нужно было проверить исходный файл, а не верить распечатке.

— Если завтра ты подашь на развод, — продолжил он, доливая воды в бокал, — или напишешь заявление о насилии, эти деньги будут считаться расходами компании на твою личную реабилитацию. Оформление незаконное. Соккрытие доходов. Мошенничество в особо крупном размере. Статья 159 УК РФ. До десяти лет.

Он отпил воды и оставил бокал у самой бумаги. Если прольет, потом получит еще и историю о том, как я порвала или испортила документ. Я отодвинула лист.

— Ты сама подписала документы, Вера. Самостоятельно. Без принуждения. Я лишь обеспечил условия. А ты создала состав преступления.

Я держала лист за верхние углы, боясь смять отметку о подписи. Кристина получила деньги; лечили по этой бумаге меня. Артур следил за моим лицом и ждал. Еще минуту назад я ничего не знала об акте, а теперь могла расплакаться и попросить его разобраться. Он ведь на это и рассчитывал, пододвигая лист.

— Мы же команда, Вера, — сказал он, глядя на меня сверху вниз. — А команды не предают друг друга. Даже если один из них гнилой изнутри.

Пять миллионов. На работе я потребовала бы договор, акт и подтверждение услуг. Сейчас смотрела на собственное имя и никак не могла поднять глаза. В три часа ночи цифры расплывались. Артур торопил с подписями, когда я проверяла его отчеты, а эту распечатку принес домой: успею испугаться раньше, чем найду исходный файл. За стеной спали дети. До них было несколько шагов, до тюрьмы, которой пугал Артур, — по его словам, одно мое заявление на развод.

Нужно было забрать лист и передать Максиму. Сначала проверить исходный файл, затем выяснить, как к нему привязали мою подпись. Просить Артура объяснить это сейчас бессмысленно: он принес распечатку именно затем, чтобы мне стало страшно. Отметку внизу нужно было сохранить разборчивой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.